

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 к.

№ 121

(Мартъ).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: О покаяніи.—Преподобный Іоаннь Лѣтвѣвникъ.*.*—Вологодская лѣтопись. Пастырское посланіе. *Ликона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*—Для чего и кому нужны православные монастыри?

Прилагается къ Вселог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

О ПОКАЯНІИ.

Въ Божественныхъ Писаній научены мы, брате мой, что не должно никогда, ни по причинѣ множества грѣховъ нашихъ отчаяваться, ни опять слишкомъ много полагаться на силу епитимій, возлагаемыхъ духовнымъ отцемъ за грѣхи наши: такъ что ни тому, кто всталъ отъ паденія, т. е. пересталъ отъ грѣховъ, не слѣдуетъ слишкомъ дерзать сего ради, ни тому, кто палъ, не слѣдуетъ отчаяваться; но и кто много нагрѣшилъ, да дерзаетъ о покаяніи, и кто въ небольшія впалъ погрѣшности, да не думаетъ, что получить прощеніе грѣховъ своихъ за одни свои добрыя дѣла, но да явитъ и онъ покаяніе,—и покаяніе не то, которое объявляется словами, или показывается постомъ, сухояденіемъ, долулеганіемъ и другими подобными лишеніями тѣлесными, хотя и это все идетъ къ дѣлу, но которое бываетъ въ сокрушеніи и болѣзнованіи души и сердца,—каковое показалъ и пророкъ Давидъ, при всемъ томъ, что жилъ въ мірѣ и былъ обремененъ многими необходимыми заботами.

Ибо онъ, размысливъ самъ съ собою, сколь благаго и щедраго Владыку прогнѣвалъ тѣмъ, что сдѣлался преступникомъ заповѣдей Его и оказался неблагодарнымъ къ Нему, забывъ многіе и неисчетные дары Его и благодаренія, всю жизнь свою болѣзновалъ о томъ душею и горькіе проливалъ слезы, какъ самъ удостовѣряетъ въ томъ. Онъ самъ себя поражалъ чувствами своего несчастія и бѣдственнаго положенія, самъ себя всячески сокрушалъ и смирялъ, рыкая отъ воздыханій сердца своего, какъ намъ каждодневно возвѣщаютъ о томъ псалмы его. Такія скорбѣнія причинялъ самъ себѣ Давидъ, когда покаялся, не смотря на то, что былъ царь и долженъ былъ заботиться о толикомъ народѣ, о женѣ и дѣтяхъ, о домѣ и царствѣ.

Что также сдѣлалъ Манассія и всѣ другіе, покаявшіеся послѣ него, какъ то: Петръ, верховный изъ Апостоловъ, мытарь, разбойникъ, блудница? И что приводитъ многихъ—что сдѣлалъ блудный сынъ, иждившій отцовское наслѣдіе съ блудницами и мытарями? За какія дѣла всѣ

эти получили прощенье грѣховъ своихъ? За посты ли свои или бдѣнія? За милостыни ли, розданныя бѣднымъ, или за другой тяжелый для тѣла трудъ? Нѣтъ, не за это получили они прощенье, а за искреннее раскаянье, за сокрушенье и болѣзнованье сердца, за слезы, излитыя ими изъ глубины души, по причинѣ осужденія ихъ совѣстію своею. Пришедши въ чувство грѣховъ своихъ, каждый изъ нихъ осуждалъ и окаивалъ себя, и плакалъ отъ души, и за это получалъ прощенье грѣховъ своихъ.

Это же самое бываетъ и теперь со всѣми, прибѣгающими ко Христу съ теплыми слезами и истиннымъ покаяніемъ. И ни предъ кѣмъ изъ таковыхъ не заключаетъ и никогда не заключить челоуѣколюбной утробы Своей благодости челоуѣколюбивый и всеблагій Господь. Прощенье грѣховъ каждаго грѣшника не бываетъ за какія-либо дѣла, чтобъ не возгордился кто по этому поводу, но по челоуѣколюбію Божию и благодати.

Знать впрочемъ надлежитъ, что для полученія прощенья грѣховъ требуется не только искреннее отъ всей души раскаянье въ нихъ, но еще и твердое намѣреніе не падать болѣе въ тѣ же грѣхи и не возвращаться вспять.

(Изъ твореній Преподобнаго Симеона, новаго Богослова).

ПРЕПОДОБНЫЙ ІОАННЪ ЛѢСТВИЧНИКЪ.

Въ первые три седмицы четьредесятницы св. Церковь побуждаетъ насъ къ посту и воздержанію, изображая тѣлесныя и духовныя блага сихъ добродѣтелей. Начиная съ четвертой недѣли, она побуждаетъ насъ къ подвигу поста, ублажая великихъ постниковъ и подвижниковъ.

Въ четвертую недѣлю св. Церковь ублажаетъ преподобнаго Іоанна Лѣствичника, названнаго такъ по имени великаго богословскаго его творенія, подъ заглавіемъ: „Лѣствица, возводящая на небо“ или „Лѣствица рая“.

Св. Іоаннъ жилъ въ VI вѣкѣ. Въ юности онъ отличался прекрасными умственными способностями и получилъ наилучшее образованіе. Онъ началъ свои подвиги у великаго библейскаго Синая, около береговъ Чермнаго моря, на которомъ совершилось вѣкогда великое чудо Господа славы, такъ дивно воспѣтое въ нашихъ канонахъ.

Синайскій полуостровъ покрываетъ цѣлая сѣть священныхъ горъ, прославленныхъ библейскими и церковно-историческими

воспоминаніями. Здѣсь знаменитый Синай, Хоривъ и гора св. Екатерины... Къ сѣверу отъ нихъ до Мертваго моря—безплодная пустыня, а къ югу—роскошная тропическая растительность. Природа поражаетъ здѣсь взоръ человѣка красотой и величіемъ. Она еще болѣе поражаетъ духовный взоръ хрістіанина величіемъ священныхъ воспоминаній библейскихъ событій. Здѣсь жилъ нѣкогда Моисей въ домѣ тестя своего—мадіамскаго священника Іоѳора, бѣжавшій сюда отъ гнѣва Фараонова послѣ убійства египтянина въ землѣ Гессемъ. У горы Хорива явился ему Богъ, среди неопалимой купины, и призвалъ его къ пророческому служенію. На горѣ Синаѣ, по выходѣ Евреевъ изъ Египта данъ былъ ветхозавѣтный законъ. Въ окрестностяхъ Хорива скрывался нѣкогда ревнитель славы Божіей Ілія Ѳесвитянинъ отъ гнѣва Іезавели, нечестивой жены Ахавовой, и сподобился здѣсь видѣнія славы Божіей. Въ началѣ хрістіанской эры здѣсь нашли себѣ убѣжище великіе подвижники вѣры и благочестія. Знаменитая синайская обитель уже въ пятомъ вѣкѣ славилась по всему хрістіанскому міру. Инокіи подвизались здѣсь уединенно, по келліямъ, разсѣяннѣмъ по горамъ и долинамъ. Только въ субботу вечеромъ собирались они въ свою обитель. Вечеромъ здѣсь совершали они всенощное бдѣніе, а въ воскресенье утромъ причащались св. Таинъ.

Вотъ въ эту-то обитель и вступилъ юный, 16-лѣтній Іоаннъ и вдался въ иноческое послушаніе. Руководителемъ его былъ духовный старецъ Мартирій. Послушаніе руководимаго было полнымъ отреченіемъ отъ своей воли. Въ отношеніяхъ къ окружающимъ проявлялъ онъ ангельскую любовь и кротость и полную готовность при первой надобности послужить всѣмъ и каждому. Добродѣтель подвижника была не внѣшнею и кажушеюся, а исходила изъ глубокихъ тайниковъ его души. Для преподобнаго Іоанна она была путемъ ко смиренію, подавленію духа гордыни и лукавства. „Всѣ, хотящія познать волю Божію, говоритъ онъ въ своей Жѣствицѣ, прежде всего должны умертвить собственную волю. Къто не позналъ повинновенія, тотъ не можетъ приобрѣсти смпренія, ибо всякій самъ собою наувчившійся художеству, много о себѣ мечтаетъ“.

Великіе подвиги преподобнаго Іоанна стяжали ему всеобщую любовь и уваженіе.

Девятнадцать лѣтъ подвизался Іоаннъ подъ руководствомъ Мартирія, до самой смерти своего руководителя. Онъ созрѣлъ уже для самостоятельныхъ подвиговъ. По примѣру другихъ „любителей безмолвія“ Іоаннъ вселился въ пустынь Ѳола, отстоявшей въ двухъ часахъ пути отъ Синайской обители. Шесть дней въ теченіе недѣли подвизался онъ въ уединеніи. Въ субботу вечеромъ возвращался въ обитель ко всенощному бдѣнію, а на утро, за литургіей, причащался св. Таинъ. Пламенная молитва, очи-

шеніе души отъ терній грѣховныхъ, борьба со страстями и укрѣпленіе въ себѣ дѣятельной евангельской любви—вотъ главные виды подвиговъ преподобнаго. Въ его пустынь долго показывали пещеру, въ которой уединялся онъ для молитвы и подвиговъ. Пещеру эту называли слезоточивою, ибо молитва подвижника проникнута была глубокимъ покаяннымъ чувствомъ и сопровождалась обильными слезами.—Велика была благодатная сила его молитвы. Еще при жизни получилъ онъ даръ чудотвореній.

Однажды въ Палестинѣ и Аравіи была засуха, угрожавшая жителямъ голодомъ и гибелью. Народъ обратился къ преподобному, какъ къ новому Ілїи, прося его благодатной молитвы о ниспосланіи дождя на землю.—Не тщетна была надежда просившихъ. Праведникъ помолился. Господь внялъ его молитвѣ и дождь напоилъ жаждущую землю.

Въ другой разъ иришелъ къ преподобному одинъ братъ и просилъ у него наставленій, какъ ему избавиться отъ мучившей его плотской страсти и отогнать нечистые помыслы. „Прибѣгнемъ къ молитвѣ, другъ мой, сказалъ подвижникъ. Молитва, исходящая изъ глубины чистаго сердца, всемогуща у Бога“. И страждущій инокъ получилъ исцѣленіе.

Въ своей „Лѣствицѣ“ св. Іоаннъ является дивнымъ учителемъ, дивнымъ руководителемъ въ молитвенномъ подвигѣ. Его наставленія—это плоды его духовнаго опыта. Все пережито, перечувствовано, испытано имъ самимъ.

Молитву, въ ряду хрістіанскихъ добродѣтелей, преподобный Іоаннъ считаетъ „основою хрістіанской жизни, священной матерію всѣхъ добродѣтелей“. „Въ многоглаголашіи нѣтъ спасенія“, поучаетъ св. Іоаннъ, повторяя слова Спасителя: „да не будетъ молитва твоя словами преиспещрена. Едино мытарево слово умолило Бога и едино реченіе, съ вѣрою произнесенное, спасло разбойника. Какъ огонь сожигаетъ хворость, такъ чистая слеза смываетъ нечистоты души и тѣла“.

Къ молитвѣ нужно приступать, поучаетъ Іоаннъ, послѣ тщательнаго приготовленія, по словеси Господню: „когда ты идешь предстать предъ Господомъ, да будетъ риза души твоей соткана изъ нитей непамятозлобія. Если не такъ, то не получишь никакой пользы отъ молитвы“.

Молитва за ближнихъ особенно угодна Богу: „если просить кто нибудь тебя помолиться, то ты, хотя и не стяжалъ еще дара молитвы, не отвращайся. Ибо часто вѣра просящаго молитвы спасаетъ и того, кто молится о немъ съ сокрушеніемъ сердца... Не вознось, когда ты молишься о другихъ и былъ услышанъ: ибо это подѣйствовала и совершила вѣра ихъ“.

Таковы наставленія преподобнаго о молитвѣ.

Не менѣе назидательны его наставленія касательно борьбы челоуѣка со своею грѣховною природою, съ чувственными и

духовными страстями. Св. Іоаннъ поучаетъ: „непрестанно испытывай въ себѣ проявленіе страстныхъ движеній и увидишь, что въ тебѣ гнѣзятся многія страсти, которыхъ мы и распознать не можемъ, или по немощи нашей, или по причинѣ глубоко укorenившагося навыка грѣховнаго“.

Изъ страстей человѣческихъ подвижникъ отмѣчаетъ особенно двѣ, наиболѣе сильныхъ, съ которыми требуется постоянная и неусыпная борьба. Это—тщеславіе и гордость. „Тщеславіе высказывается при каждой добродѣтели. Когда храню постъ, тщеславлюсь, и когда, скрывая постъ отъ другихъ, разрѣшаю на пищу—опять тщеславлюсь. Говорить-ли стану, подаю во власть ему. Молчать ли хочу, опять предаюсь ему. Одѣвшись въ бѣлую одежду, побѣждаюсь честолюбіемъ, и, переодѣвшись въ худую, тщеславлюсь. Куда ни поверни это терніе, оно все станетъ спицами кверху. Тщеславный есть идолопоклонникъ. На взглядъ онъ чтить Бога, а на дѣлѣ старается болѣе угождать людямъ, чѣмъ Богу. Люди высокаго духа сносятъ обиду благодушно и охотно, а слушать похвалы не ощущать никакой пріятности могутъ только святые и непорочные“.

Такъ какъ тщеславіе склонно питаться всякимъ достоинствомъ и добродѣтелию, то подвижникъ положилъ себѣ за правило уклоняться отъ всего того, что выдѣляло бы его изъ ряда обыкновенныхъ людей. Въ пищу онъ употреблялъ все, что разрѣшалось церковнымъ уставомъ, но весьма умеренно. Онъ не проводилъ бессонныхъ ночей, но спалъ очень мало. Но при всемъ своемъ смиреніи онъ не избѣжалъ упрека въ тщеславіи. Люди неблагонамѣренные и завистливые говорили, что бесѣды и поученія Іоанновы, привлекавшія къ нему толпы народа, произносятся не по добрымъ побужденіямъ и не изъ чистыхъ намѣреній но ради честолюбія и тщеславія...

Безропотно перенесъ подвижникъ это нареканіе и себя самаго обвинилъ въ грѣхѣ соблазна ближняго. Чтобы не подавать болѣе поводовъ къ соблазну, въ теченіе нѣлаго года наложилъ онъ на себя печать молчанія, пока обвинители не сознали своего заблужденія и сами не стали просить преподобнаго возобновить свои душеспасительныя бесѣды.

Изъ всѣхъ хрістіанскихъ добродѣтелей дѣятельную любовь къ ближнему преподобный Іоаннъ считаетъ совершеннѣйшей. „Бываетъ, поучаетъ подвижникъ, что когда стоишь на молитвѣ, встрѣчается дѣло благодѣянія, не допускающее промедленія, Въ такомъ случаѣ надо предпочесть дѣло любви. Ибо любовь больше молитвы, такъ какъ молитва есть добродѣтель частная, а любовь объемлетъ всѣ добродѣтели“.

Достигши высокаго совершенства, преподобный Іоаннъ сдѣлался руководителемъ многихъ, ищущихъ спасенія. Много людей желало быть его учениками, но подвижникъ избралъ себѣ

одного юнаго инока Моисея. Съ нимъ онъ сблизился духовною любовію. Ученикъ и учитель составляли какъ бы едино существо. Въ житіи Іоанна содержится такой назидательный разсказъ, изображающій силу ихъ взаимной любви.

Однажды Моисей былъ на работѣ вдали отъ келліи. Іоаннъ въ это время молился. Утомленный продолжительнымъ бодрствованіемъ, онъ „въ сонъ тонокъ сведенъ былъ“ и вотъ слышитъ голосъ: „ты спишь спокойно, а ученикъ твой находится въ опасности“. Іоаннъ проснулся. Онъ не зналъ, гдѣ искать Моисея и сталъ молиться о немъ. Къ вечеру Моисей вернулся. Іоаннъ спрашиваетъ ученика, не случилось ли съ нимъ чего либо опаснаго?

— „Утомившись работой на солнечномъ зноѣ, отвѣчалъ Моисей—я легъ отдохнуть подъ тѣнью нависшей скалы. Вдругъ меня разбудилъ твой голосъ, зовущій меня. Я поспѣшно всталъ и въ это время скала упала“... Іоаннъ возблагодарилъ Провидѣніе, внявшее его молитвѣ и спасшее Моисея.

Послѣ сорокалѣтнихъ уединенныхъ подвиговъ Іоаннъ избранъ былъ игуменомъ Синайской обители. Не легко было любителю безмолвія разстаться со своей пустыней. Но Іоаннъ повиновался.

Послѣ четырехлѣтняго настоятельства, познавъ приближеніе смерти, онъ возвратился опять къ пустынному безмолвію. Великій подвижникъ преставился въ 563 году, 80-лѣтнимъ старшемъ.

Мы привели отдѣльныя мысли изъ его „Лѣствицы“. Это только крупцы изъ его богатой сокровищницы, назидательной какъ для иноковъ, такъ и для благочестивыхъ мірянъ.

Краткое содержаніе „Лѣствицы“ можно изобразить такъ.

Первая ступень „Лѣствицы“—отреченіе отъ міра, послѣдняя дѣятельная любовь къ Богу и ближнему. Восходя по этой „Лѣствицѣ“, подвизающійся долженъ пройти три состоянія: начинающаго, преуспѣвающаго и совершеннаго. Въ первомъ періодѣ восходящій по Лѣствицѣ воспитываетъ въ себѣ добродѣтели: послушаніе, смиреніе, постъ и другія. Во второмъ періодѣ подвизающійся упражняется въ непрестанной молитвѣ, милосердіи и братолюбіи. Въ третьемъ состояніи достигшіи совершенства приобрѣтаютъ себѣ совершенную любовь, господство надъ страстями, молится о мірѣ.

Начало подвиговъ совершается съ большимъ трудомъ и скорбями. Во второмъ періодѣ борьба облегчается и добродѣтели приобрѣтаются легче. Въ третьемъ состояніи добродѣтель дѣлается потребностью души. Такимъ образомъ, вся жизнь чловѣка есть единый неустанный подвигъ, требующій большого вниманія къ себѣ и великаго напряженія душевныхъ силъ.

„Откуда же зло, спрашиваетъ подвижникъ, и почему такъ тяжела борьба съ нимъ?—И отвѣчаетъ: „иногда воспитаніе бываетъ причиною развращенія чловѣка, иногда дурное общество,

но чаще собственное развращеніе души достаточно ей къ гибели. Грѣховъ и страстей, естественно, нѣтъ въ природѣ чело-вѣка. Богъ не творецъ страстей. Онъ даровалъ нашей природѣ многія добродѣтели: милостыню, ибо и язычники сострадательны; любовь, ибо часто и безсловесныя животныя проливаютъ слезы, при потерѣ другъ друга. Посему да постыдятся тѣ, которые извиняются въ недѣланіи добродѣтелей своимъ безсиліемъ“.

Къ борьбѣ со страстями св. Іоаннъ даетъ слѣдующее общее руководство: „какую страсть увидишь въ себѣ господствующую, противъ той наипаче и вооружайся. Ибо, если мы съ тобою не побѣдимъ этой страсти, то отъ побѣды надъ другими намъ нѣтъ никакой пользы“.

Въ нравственной дѣятельности хрістіанина Іоаннъ каждый разъ требуетъ полной искренности и чистыхъ побужденій: „во всѣхъ случаяхъ мы должны испытывать *намѣреніе наше*, ибо Господь взираетъ на оное во всѣхъ дѣлахъ нашихъ. Все, что чуждо пристрастія и всякой нечистоты, а дѣлается единственно для Бога и ближняго, вмѣняется намъ во благо“.

Вотъ сколько назидательнаго содержится въ житіи и великомъ твореніи великаго учителя и аскета!

* * *

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Съѣздъ духовенства пяти юго-западныхъ уѣздовъ Вологодской епархіи. 20 января открылся съѣздъ духовенства юго-западной половины нашей епархіи по училищнымъ дѣламъ. Преосвященный Никонъ, находясь въ Петербургѣ для присутствованія въ Государственномъ Совѣтѣ, прислалъ съѣзду, къ его открытію, слѣдующее—

Пастырское посланіе.

Миръ вамъ, отцы и братія, и Божіе содѣйствующее благословеніе!

Очень сожалѣю, что лишенъ возможности привѣствовать васъ лично и побесѣдовать съ вами усты ко устамъ; руководящія указанія для работъ вашихъ даны мною въ резолюціяхъ на журналахъ учебныхъ заведеній, смѣты коихъ вы будете разсматривать. Знаю, какъ вамъ трудно будетъ рѣшать вопросы экономическаго свойства въ тѣхъ рамкахъ, какихъ повелительно требуютъ обстоятельства нашего тревожнаго времени. Да поможетъ вамъ Богъ преодолѣть всѣ трудности!

Но вотъ то, что властно повелѣваетъ мнѣ сказать вамъ моя архіерейская совѣсть: Бога ради възгрѣвайте въ себѣ искреннее желаніе, и не желаніе только, но и ревность служить Церкви Христовой *цѣлымъ сердцемъ*. Тогда Господь невидимо, непости-

жимо, но нецеложно будетъ помогать вамъ и въ земнымъ нуждахъ вашихъ, и въ то же время—чрезъ васъ же Самъ будетъ и ваше пастырское дѣло совершать. Таковъ законъ Его благодсти!

20-го декабря минувшаго года Русская Церковь лишилась великаго труженика-пастыря, а Русскій народъ своего печальника и богомольца: скончался, лучше сказать—къ Богу отошелъ, старецъ Божій, о. Іоаннъ Кронштадтскій. Всѣмъ сердцемъ вѣрю, что нѣтъ среди васъ ни одного, кто не помолился бы объ упокоеніи праведной души его. Вѣдь такъ отрадно сердцу молиться о такихъ рабахъ Божіихъ: сердце чувствуетъ, что и онъ молится за насъ! Любовь не умираетъ, а молитва есть дыханіе любви, и она есть могучее средство быть въ общеніи съ отшедшимъ къ Богу молитвенникомъ. Глубоко восчувствовалъ это своимъ добрымъ, чистымъ сердцемъ Благочестивѣйшій Государь нашъ, и отозвался на скорбь народную Своимъ чуднымъ рескриптомъ на имя первенствующаго члена Святѣйшаго Синода: сей рескриптъ вы, конечно, уже прочли. Отзовемся же, братіе, и мы на сердечное слово Помазанника Божія нашей готовностью подражать почившему носителю идеала пастырскаго по мѣрѣ силъ нашихъ! Позвольте мнѣ, какъ предстоятелю Церкви Вологодской, отъ имени вашего послать Его Величеству телеграмму съ выраженіемъ одушевляющихъ насъ чувствъ, какъ сердечный нашъ откликъ на Царское слово. Буду счастливъ исполнить не только порученіе ваше, но и искреннѣйшее желаніе моего сердца.

Но словъ недостаточно, возлюбленные: нужно дѣло. Мы живемъ не только въ тревожное, но и въ страшное время. Сатана со всѣхъ сторонъ ополчается на Церковь Божию. Станемъ добры! Начнемъ съ самихъ себя. Скажите пославшимъ васъ отцамъ, что я душою болѣю, когда доходятъ до меня вѣсти о немоцахъ нѣкоторыхъ іереевъ, о небрежности ихъ въ отправленіи Богослуженія, о лѣности къ проповѣданію слова Божія и преподаванію Закона Божія въ школахъ, о немирствѣ между собою и съ прихожанами... И это—въ такое, говорю, страшное для насъ время, когда Господь въ совершающихся событіяхъ какъ бы снова говоритъ намъ: „берегитесь, смотрите, бодрствуйте, молитесь!“ (Матѣ., гл. 24). Зато я радуюсь радостью любящаго отца, когда узнаю о добромъ пастырскомъ дѣланіи вашемъ. Дерзаю сказать съ возлюбленнымъ Апостоломъ Христовымъ, что „для меня нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои“, мои сотрудники во Христѣ, „ходятъ въ истинѣ“ (3 Іоан. 4), живутъ и трудятся на Божіей нивѣ по совѣсти іерейской! Не лишайте же меня этой радости, возлюбленные мои! Самъ я зѣло немощенъ, не могу путешествовать по всеямъ вашимъ, раскинутымъ на сотни верстъ, и скорблю, что не могу быть въ постоянномъ личномъ общеніи съ вами. Простите немощамъ моимъ! Восполните ихъ своею любовію, своею ревностію къ дѣлу Божию. Пребы-

вайте со мною въ общеніи молитвы. Радуюсь я, когда получаю отъ сельскихъ пастырей и письма, въ коихъ они просятъ моихъ руководственныхъ указаній, сообщаютъ мнѣ свои пастырскія наблюденія, повѣдаютъ свои скорби и радости. Къ глубокому сожалѣнію, не могу я каждому въ отдѣльности отвѣчать: не достаетъ ни времени, ни силъ, но пусть вѣдаютъ тѣ, коимъ не могъ отвѣтить, что я храню въ благодарномъ сердцѣ эти живыя свидѣтельства ихъ любви ко мнѣ, ихъ сердечнаго желанія усердно работать Господу, дондеже день есть. Въ глубокомъ смиреніи, въ сознаніи, что безъ благодатной помощи Господней мы ничего не можемъ сдѣлать добраго и спасительнаго, а если что и дѣлаемъ, то Самъ Господь въ насъ и чрезъ насъ сіе дѣлаетъ, будемъ служить Ему цѣлымъ сердцемъ, Ему же вручая и свои земныя, житейскія нужды и заботы. Ей, вѣрно слово Его: ищите прежде царствія Божія,—и сія вся приложатся вамъ! Помните, что и трудъ, и скорби, и лишенія—обычный удѣлъ Апостольскаго служенія. Но непреложно и обѣщаніе Господа, что усердный „дѣлатель достоинъ мзды своея!“ Поставимъ же служеніе Церкви Его, спасенію пасомыхъ, намъ вѣранныхъ, на первомъ мѣстѣ въ ряду заботъ нашихъ: и все тогда пойдетъ добрѣ, ибо симъ покажемъ мы, что и все поручили Христу—и самихъ себя, и дѣло наше, и опытомъ познаемъ, что Онъ присно съ нами есть, и вѣренъ Онъ во всѣхъ словесѣхъ Своихъ!

Призывая на васъ Божіе благословеніе, молю Господа, да благопоспѣшитъ Онъ вамъ и въ томъ дѣлѣ, для коего вы собрались. Молитесь о моемъ недостоинствѣ.

Вашъ сомолитвенникъ *Никонъ*,
Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Духовенство съ радостію откликнулось на призывъ архиастрія и телеграммоу просило его послать Его Императорскому Величеству телеграмму, которая и была отправлена въ Царское Село на Высочайшее имя. Вотъ текстъ этой телеграммы:

„Ваше Императорское Величество, Благочестивѣйшіи Самодержецъ! Открытый сегодня въ Вологдѣ съѣздъ духовенства Юго-Западныхъ уѣздовъ Вологодской епархіи, глубоко тронутый Высочайшимъ Рескриптомъ Вашего Императорскаго Величества по поводу блаженной кончины великаго старца Божія, отца Іоанна Кронштадтскаго, совершивъ во всеградскомъ соборѣ предъ чудотворною иконою Спасителя общецерковную молитву о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и объ упокоеніи праведной души почившаго, телеграммоу просить меня повергнуть къ стопамъ Вашимъ чувства своей безпредѣльной вѣрноподанности и восторженной радости, что Вы, Государь, единымъ сердцемъ съ народомъ Своимъ и всею Христовою Церковію не

только свято чтите память почившаго пастыря-праведника, но и единомысленно съ нами видите въ немъ носителя высшаго идеала пастырства по духу нашей матери Церкви православной: какъ свѣтлый, теплый лучъ солнца среди окружающей насъ отовсюду мглы всяческихъ противоцерковныхъ мудрованій, блеснуть Рескриптъ Вашъ для людей православныхъ, наипаче же для насъ служителей алтаря Господня. Съ нами и сердцемъ и всею душою Царь-Самодержецъ, съ нами Помазанникъ Божій, Первенецъ Церкви, Блюститель ея нуждъ, ея Покровитель и Защитникъ, Онъ не дастъ ея въ обиду врагамъ, Онъ желаетъ чтобы всѣ мы, пастыри Церкви, недостойные сотрудники Христа, уподоблялись, въ мѣру слабыхъ силъ нашихъ, почившему сопастырю нашему отцу Іоанну, чтобы и духовныя наши школы, руководимыя Церковію, готовили ревнителей завѣтовъ вселенскаго православія, носителей духа Іоаннова, духа апостольскаго. Да усрамятся же лжемудрствующіе обновленцы и всѣ отступники отъ православія! Да благословитъ Господь Своего Помазанника небеснымъ благословеніемъ! Съ нами Богъ, съ нами Царь нашъ, и да расточатся враги святой матери нашей Церкви православной! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій богомолецъ *Никонъ*, епископъ Вологодскій и Тотемскій“.

На означенной телеграммѣ Государю Императору благоугодно было, въ 20-й день минувшаго января, Собственноручно начертать: „*Прочтезь съ удовольствіемъ*“.

Для чего и кому нужны православные монастыри?

(*Продолженіе*).

VI.

„Чтобы яснѣе представить тѣ чувства, которыми преисполнена была въ то время моя душа, я приведу здѣсь мое письмо къ Натальѣ Андреевнѣ Тиньковой, которое я ей написала подъ впечатлѣніемъ своего перваго знакомства съ о. Иларіономъ.

„Не могу выдержать“, писала я: „чтобы не написать Вамъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на меня посѣщеніе Оптиной Пустыни. Никогда въ жизни моей не проводила я такихъ дней. Послѣ Вашего отъѣзда отсюда, въ тотъ же день, въ два часа, отправились мы въ скитъ. Батюшка позвалъ меня первой и бесѣдовалъ со мною болѣе двухъ часовъ. Я вышла отъ него совершенно перерожденная. Найти въ человѣкѣ столько доброты, участія, ласки!.. Никогда не думала я, чтобы подобные люди могли быть на землѣ. Я открыла ему всю душу свою; онъ назвалъ меня своею дочерью, и я люблю его теперь больше всѣхъ на свѣтѣ. Всѣ другія мои земныя привязанности обратились въ прахъ. Чтобы быть достойной называться его дочерью, я готова

на всѣ жертвы, на всѣ испытанія въ жизни. *Душа моя узнала, что такое духовная радость.* Я пробыла въ Пустыни на три дня долѣе, чѣмъ предполагала—не была въ силахъ уѣхать; и остальные дни была осчастливлена бесѣдой съ батюшкой два раза въ день: онъ мнѣ позволилъ бывать у него послѣ ранней обѣдни и въ два часа; и онъ не только позволялъ мнѣ говорить съ нимъ сколько хочу, но даже самъ вызывалъ на откровенность. Да, это не человѣкъ, а ангелъ во плоти! Что за терпѣніе, что за кротость, что за любовь къ человѣчеству!—только можно удивляться да молиться за него. Я счастлива, я покойна, и это состояніе души продолжается и до сихъ поръ. Берегу я это чувство, какъ скупой—золото.

Пріѣхала я домой. Жизнь приняла обычный порядокъ; но присутствую я здѣсь только тѣломъ, душа же моя и всѣ мысли—тамъ... Батюшка позволилъ мнѣ писать къ нему, и сегодня я отправила письмо, а теперь живу одною мыслью—побывать тамъ. Я уже получила разрѣшеніе ѣхать туда по первому пути. Если бы то было въ моей волѣ, я бы собрала всѣхъ, кого знала и повезла туда. Мнѣ кажется: кто тамъ хоть разъ былъ и ощутилъ эту радость, не можетъ продолжать быть дурнымъ человѣкомъ. Я смѣялась надъ Вами, что Вы проливали столько слезъ при отъѣздѣ изъ Оптиной, а сама я не плакала, а ревѣла, прощаясь съ батюшкой, и до сихъ поръ не могу вспомнить объ немъ безъ слезъ.

Счастливы Вы, что такъ близко живете отъ такого свѣтлаго мѣста! ¹⁾ Вы не можете представить, какъ я благодарю судьбу, что встрѣтила Васъ тамъ: Вы мнѣ дали случай познакомиться съ батюшкой. Онъ Васъ очень любитъ и много о Васъ говорить со мною; по милости Вашей и меня пріютилъ...

Прошу Васъ: хоть изрѣдка, да пишите мнѣ; я всегда рада буду имѣть о Васъ извѣстіе, да къ тому же Вы ближе меня къ Обители и болѣе имѣете тамъ знакомыхъ. Меня ужасно тревожитъ здоровье батюшки: ну какъ онъ занеможетъ, а я живу вдаль и не узнаю объ этомъ! Добрая Наталья Андреевна, дайте мнѣ слово, что, ежели Вы узнаете что нибудь неблагополучное,—отъ чего сохрани Богъ,—тотчасъ напишете мнѣ, и я все брошу и пріѣду. Теперь вся жизнь моя въ немъ, а начинающей, какъ я, новую жизнь по вѣрѣ, нужна его поддержка. Васъ цѣлую крѣпко и буду ждать отвѣта“.

VI.

Когда я возвратилась домой, тогда я еще болѣе поняла, какую драгоценность я пріобрѣла въ Оптиной для души моей.

¹⁾ Это—„близко“—болѣе 100 верстъ на лошадахъ: въ такомъ разстояніи находилось имѣніе Тиньковыхъ отъ Оптиной Пустыни (прим. составителя).

Истину говорю я, какъ передъ Богомъ: восемь дней, проведенныхъ мною около старца въ святынь благодатнаго затишья, любви и мира монастыря, сдѣлали меня другимъ человѣкомъ. Я все поняла чрезъ благодать святаго отца, ясно увидѣла всю мерзость, грѣховность, пустоту прежней своей жизни. Неизъяснимое явилось во мнѣ желаніе исправиться; и я увѣренно говорю со всею силою моего убѣжденія, что молитвами старца я съ тѣхъ дней оставила все прежнее, и, право, въ сравненіи съ долгимъ грѣховнымъ навикомъ я совершила это почти что безъ борьбы: такова была сила любви и благословенія, которую въ такое короткое время успѣлъ вложить въ мою душу благодатный батюшка. Одно желаніе было—угодить старцу, одно помышленіе—жить такъ, какъ онъ училъ меня. Моя непрестанная тоска отъ меня отпала; и еще долго, по возвращеніи моемъ домой, я ощущала тотъ духовный восторгъ, который въ первый разъ узнала въ Оптиной Пустыни.

Вернувшись домой, я каждый день писала старцу; получала и отъ него частые отвѣты: онъ продолжалъ учить меня, поддерживать въ добромъ начинаніи. И съ первыхъ же дней, проведенныхъ дома, запала мнѣ мысль бросить все и жить въ Оптиной подлѣ старца. Но легко было пожелать этого,—какъ только исполнить? Мнѣ казалось это совершенно невозможнымъ...

Прошло четыре мѣсяца; слова старца сбылись съ поразительною точностью. Мой мужъ не могъ не замѣтить перемены образа моей жизни. Нѣсколько разъ, шутя, онъ говорилъ:

— „Вотъ, пустилъ жену въ Оптину Пустынь, а—мнѣ ее монахи подмѣнили!“

Насталъ, наконецъ, день, когда сердце мое исполнилось неизреченной радости: мужъ объявилъ мнѣ, что желаетъ самъ побывать въ Оптиной Пустыни.

— „Хочу самъ видѣть“, сказалъ онъ мнѣ: „что за люди тамъ живутъ. Простые смертные не могутъ совершить того, что съ тобою совершилось“.

Сборы были короткіе, и въ Январѣ мы пріѣхали въ Оптину. Старецъ, извѣщенный перепиской, которую я съ нимъ вела, ожидалъ нашего прибытія. Съ какимъ чувствомъ непередаваемаго словами восторга приближалась я во второй разъ къ вожделѣнной Обители!—Я везла съ собою мужа, котораго все еще любила, зная и чувствуя, что везу его на спасеніе...

На мужа моего знакомство со старцемъ и бесѣды съ нимъ произвели сильное впечатлѣніе, но, всетаки, не такое сильное, какъ на меня. Онъ съ любовью прожилъ въ Оптиной Пустыни недѣлю, поговѣлъ, причастился, но того, чѣмъ горѣло мое сердце, онъ не получилъ. О себѣ же скажу, что я въ въ эту вторую поѣздку еще болѣе сблизилась со старцемъ, еще болѣе полюбила его, и во мнѣ еще тверже укрѣпилась мысль оставить міръ

и жить въ Оптиной. Дорогой отецъ утѣшалъ меня и, точно, пророчествуя, говорилъ мнѣ:

— „Будете, дочка, жить подлѣ меня, будете!“

О, какъ хотѣлось мнѣ этому вѣрить, и какъ это мнѣ казалось невозможнымъ!..

VIII.

Предсказаніе старца сбылось въ самомъ непродолжительномъ времени.

Дѣла наши приняли еще худшій оборотъ. Прошло полгода, и мужъ предложилъ мнѣ ѣхать пожить въ Оптиной Пустыни, а самъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ хлопотать по дѣламъ: надѣясь на знатныхъ родныхъ и связи, которыхъ было не мало, онъ рассчитывалъ спасти отъ продажи имѣніе, въ которомъ мы жили.

Я была согласна на все, лишь бы меня отпустили въ Оптину Пустынь: все остальное для меня было второстепеннымъ.

Надо сказать, что по возвращеніи нашемъ изъ Оптиной, и мужъ мой во многомъ измѣнилъ образъ своей жизни: горе при мысли потерять свое состояніе смирило его, да и вліяніе старца дало свои плоды. Но мнѣ онъ сталъ относиться иначе—скорбь насъ сблизила; а тутъ еще и друзья, и знакомые стали рѣже посѣщать насъ, и во дни тяжелыхъ испытаній онъ только во мнѣ увидалъ истиннаго друга. Въ это страшное для насъ время мы только и жили, что письменнымъ общеніемъ со старцемъ, и даже мужъ, независимо отъ меня, писалъ ему о дѣлахъ своихъ, спрашивая совѣта, а иногда даже поминая въ письмахъ, что, быть можетъ, онъ и совсѣмъ пріѣдетъ жить близъ батюшки.

Я все это относила къ молитвамъ старца.

Собрала я съ собою все необходимое въ такомъ количествѣ, чтобы можно было уже не возвращаться домой въ случаѣ продажи имѣнія, взяла въ попутчицы одну преданную намъ особу, которая одна знала и положеніе нашихъ дѣлъ, и наши намѣренія, и которая захотѣла, изъ чувства привязанности, всюду слѣдовать за мною и дѣлать вмѣстѣ горе и нужды бѣдственнаго будущаго,—собралась я, словомъ, быстро и уѣхала изъ своей деревни, оставляя и домъ, и роскошную жизнь, съ которою свыклась съ дѣтства; съ тѣмъ и оставляла, что лишилась на вѣкъ всего: и, видитъ Богъ, не ощущала особенной скорби. Всѣ мысли и чувства мои были сосредоточены на одномъ: я буду жить подлѣ дорогаго отца, открывшаго во мнѣ жизнь новую, давашаго мнѣ такое внутреннее сокровище, котораго у меня не могутъ отнять никакіе заимодавцы и никто во всемъ мірѣ.

Изъ деревни мы выѣхали одновременно съ мужемъ: онъ—въ Петербургъ, а я со своимъ вѣрнымъ другомъ—въ Оптину.

Пріѣхали мы на житье въ благословенную Обитель 5 Сен-

тября 1868 года. Отвели намъ помѣщеніе въ гостинницѣ; мы устроились: и зажила я новою жизнью, о которой мнѣ и во снѣ прежде не снилось... У меня до сихъ поръ сохраняется моя переписка съ мужемъ: я вела ее, какъ дневникъ, описывая ему акуратно и подробно всю свою жизнь подлѣ старца и два раза въ недѣлю отправляя ему свои письма въ Петербургъ. Эта переписка продолжалась три мѣсяца... Нахожу нелишнимъ привести здѣсь одно письмо мое, писанное мужу въ отвѣтъ на его вопросъ.—не скучаю ли я въ Оптиной? Въ письмѣ мужа, въ которомъ онъ поставилъ этотъ вопросъ, онъ сообщилъ, что дѣла идутъ плохо, что надо думать о пріисканіи службы, ибо безъ службы намъ жить будетъ нечѣмъ; въ этомъ же письмѣ мужъ просилъ меня, чтобы я, не стѣняясь, написала ему свое рѣшеніе и какъ я думаю: ему ли пріѣхать въ монастырь навсегда, или мнѣ—къ нему, чтобы начать и устроить новую жизнь? Приведенное здѣсь письмо есть отвѣтъ мой, который и рѣшилъ нашу участь.

Любезный другъ, Александръ Николаевичъ! — писала я мужу: письмо твое получила. Однимъ оно меня обрадовало, а другимъ огорчило. Порадовало тѣмъ, что твоя душа стремится сюда и что все, касающееся здѣшней обители, интересуетъ тебя; а огорчило тѣмъ, что ты опять отсрочилъ свой пріѣздъ въ Оптину. Напрасно ты обо мнѣ беспокоишься: я и тѣломъ и душою здорова. Душа моя вся во власти батюшки, а онъ такой искусный врачъ душевный, что ей болѣть не дастъ. Поживши здѣсь столько времени и пользуясь совѣтами и бесѣдой старца, я пришла къ полному убѣжденію, что прежняя жизнь наша до того была мерзка, пуста и грѣшна предъ Господомъ, что одно воспоминаніе о мірской жизни приводитъ меня въ ужасъ. Опытъ здѣшней жизни доказалъ мнѣ, что всѣ слова старца—истина, что все земное—прахъ. Сколько лѣтъ трепалась я по бѣлу свѣту, чѣмъ только ни пользовалась: и красота была, и удовольствія, и роскошь; и страстямъ я давала полную волю—на все бросалась я, какъ безумная; забывая Бога и совѣсти, искала радостей и даже... нашла! Чуть ли не погибла совѣмъ; но ни одной минуты не находила истинной, безмятежной радости, той радости, вслѣдъ за которой не являлось бы, хотя бы тончайшаго, едва уловимаго, но все же горькаго упрека совѣсти. Здѣсь же, въ глуши, въ лѣсу, далеко отъ всѣхъ, кого люблю, послѣ такого грустнаго разставанія, совершенно одинокая, при всѣхъ неудобствахъ жизни, къ которымъ привыкла столько лѣтъ, съ ожиданіемъ каждый день узнать, что мы нищіе—со всею этою тяжестью на сердцѣ, я нашла здѣсь великую отраду. Не думай, чтобы я увлекалась, или что это дѣло настроенности воображенія: нѣтъ—это есть истинная правда. Знаешь ли: бывають дни, когда мнѣ такъ весело, такъ радостно на душѣ, что и словъ не найдешь, чтобы это выразить, да и понять этого невозможно,

самому не испытавши сердцемъ. Сама себѣ не могу дать отчета; чему я радуюсь, но душа исполнена блаженства неизъяснимаго. Въ эти минуты мнѣ никого и ничего не жаль, не боюсь никакихъ скорбей... Конечно, не всегда находить на меня такое настроеніе, да мы, по грѣхамъ нашимъ, и не стоимъ такого состоянія души; но въ эти минуты радости я себѣ представляю, что святой нашъ старецъ, за свою высокую духовную жизнь, долженъ всегда находиться въ такомъ настроеніи. Вотъ, и награда за праведную жизнь!—Большаго желать нечего... Конечно показать мое письмо мірскимъ,—они назовутъ меня безумной; тебѣ же пишу объ этомъ потому, что ты самъ собираешься жить тою жизнію, которою я живу теперь. Вѣрь мнѣ—ты самъ то же будешь испытывать. Какъ благодарить Создателя, что, хотя при концѣ жизни нашей, да приводитъ Онъ насъ на истинный путь? Чѣмъ мы заслужили такую благодать, Единому Богу извѣстно...

На счетъ же службы твоей скажу тебѣ одно: въ силахъ ли будешь ты начать новую жизнь въ міру? Усталому, разбитому тѣломъ и душою развѣ легко приняться за службу, опять жить съ людьми, подчиняться свѣтскимъ обычаямъ, вновь играть эту глупую жалкую комедію? Не знаю, какъ ты, а я чувствую себя совершенно неспособной на это. Приѣдешь сюда, самъ увидишь, какая здѣсь отрада для души. Я каждый день благодарю Господа, что Онъ указалъ мнѣ путь въ эту обитель: при теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ я бы не могла пережить всего того, что свалилось на нашу голову, если бы не узнала той радости, какую узнала здѣсь, и не была бы подлѣ батюшки. Ты не пробовалъ здѣшней жизни, потому она и представляется тебѣ и такой страшной, и такой скучной. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я живу здѣсь, но клянусь тебѣ, что ни минуты не скучаю и не скучала и каждый часъ Бога благодарю.

Вспомни еще, что я здѣсь одна безъ тебя, что забота о будущемъ нашемъ должна меня тревожить; а если бы не это, то я считала бы себя счастливѣйшею изъ смертныхъ. Пишу тебѣ всю истину, но дѣлай, какъ знаешь. Преданная тебѣ жена.

Оптина Пустынь. Ноябрь 1868 годъ“.

Вслѣдствіе этого письма, мужъ мой, бросивъ всѣ дѣла, приѣхалъ въ Оптину, гдѣ мы и стали жить вмѣстѣ на гостиницѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).